

А.Н. МАЛИНКИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

МАЛИНКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (lo_zio@bk.ru).

Аннотация. Рассматриваются эпистемологические и генеалогические проблемы социального познания исторической памяти российского народа. Для изучения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. недостаточен научно-объективистский социологический подход. Ее понимание и истолкование обусловлены мировоззренчески. Требуются вненаучные средства познания, в первую очередь философские. Предлагается философско-социологическое понимание исторической памяти, демонстрируются связанные с ним трудности. Рассматриваются реально-исторические, социологические и психологические причины непримиримых споров в российском сообществе гуманитариев по поводу памяти о Великой войне и нашей Победе. Автор аргументирует мнение, что России необходима современная высокотехнологичная, целенаправленная и экспансионистская «политика памяти».

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. • научно-историческое знание • историческая память • социология знания • европеизм • интеллигенция • влассовщина • национальная политика памяти

DOI: 10.31857/S013216250009409-2

Российские специалисты в области исторической социологии и социологии войны вносили и вносят вклад в изучение исторической памяти о Великой Отечественной войне (ВОВ) 1941–1945 гг. [Социология Великой Победы, 2005; Иванов, Сергеев, 2006; Кузнецов, Сергеев, Иванов, 2006; Бызов, 2010: 110–116], исследуя устройство и механизмы функционирования советского общества, социальные аспекты исторического процесса в тот период, личности военачальников, участников войны 1941–1945 гг., актуальное отношение к этому поворотному событию нашей истории групп современного российского общества, поколенческие особенности восприятия войны и ее последствий и многое другое. Социологи работают с архивными документами, с известными историческими фактами, чтобы по-своему их осмыслить или по-новому интерпретировать, – проводят интервью ветеранов, экспертов, опросы или опираются на имеющиеся, делая сравнения, проводя параллели. Объектно-ориентированные изыскания, опирающиеся на эмпирику, преобладают. Но является ли предметом их теоретико-методологической рефлексии историческая память сама по себе? Каков ее онтологический статус? Какими должны быть соответствующие этому статусу исследовательская методология и методика? Только ли недостаток объективных научно-исторических знаний обуславливает разногласия в суждениях и споры ученых о причинах, ходе и итогах Второй мировой войны? Должны ли социологи принимать участие в идеологической борьбе вокруг проблем «политизации истории», прежде всего «переписывания» истории Второй мировой войны и фальсификаций истории Великой Отечественной войны?

Это вопросы дискуссионные. Попытки ответить на них заставляют социологов, ориентирующихся на позитивистскую парадигму социального познания, покинуть сферу науки и ступить на шаткую почву, где нет опоры на профессиональную идентичность. Не все готовы на риск, предвидя упреки в необъективности. Часто содержательные результаты

социологического изучения Великой войны и ее последствий, более интересные для социологов и более значимые для общества, чем теоретико-методологические, заслоняют проблему гносеологической специфики исторической памяти о войне. Заслоняют эту проблему и споры, в которых рождается что-то прямо противоположное истине. Создается впечатление, будто спорящие пребывают в параллельных мирах, не находя взаимопонимания. И это впечатление не обманывает.

Эпистемологический аспект проблемы. Бесспорно, социально-научные исследования памяти о ВОВ необходимы. Однако они лишь по касательной задевают историческую память о Великой войне. Для нашего народа она священна. Подобное познается подобным: этот древний принцип означает, что осмыслить и по достоинству оценить значение этой войны для России и мира можно только с привлечением вненаучных средств познания, в первую очередь философских. Только научно-объективистский подход *sine ira et studio* здесь недостаточен.

В основу социально-научных исследований могут быть положены идейно и ценностно различные представления о месте и роли ВОВ в истории СССР и мировой истории, о ее значении для живущих ныне поколений. В действительности это и происходит. Разными оказываются и результаты – неизбежны расхождения в исследовательских целях и интересах, соответственно в методологии, методике и технике сбора информации, не говоря уже о способах ее обработки, анализа и интерпретации. Одни и те же достоверные факты могут быть истолкованы противоположным образом.

Оказывается, ВОВ «на самом деле» и не «отечественная», и не такая уж «Великая»¹; что мы должны, как немцы, каяться и сменить «национальный нарратив» (т.е. историческую память), что «наша ситуация труднее германской», поскольку мы якобы «не знали иного национального нарратива, кроме национал-большевистского», а немцы знали [Гутнер, 2017]. Если подобные взгляды разделяются представителями российской интеллигенции, чего ждать от европейских интеллектуалов и политиков?²

Между тем указанные идейно-ценностные представления не берутся неведь откуда. Это продукты интеллектуальной деятельности в области социальной и политической философии, философии истории и культуры, историософии, теософии, эсхатологии, социального мифологизаторства и проектирования, ретроспективного обоснования футурологических конструкций и т.п. Это продукты либо относительно чистых автономных форм познания, либо *идеологий* – смешанных, сложносоставных форм знания. Преобладают обычно последние. При всем уважении к социальной науке и ее достижениям следует признать *мощное влияние этих духовных и интеллектуальных образований на массовое сознание и историческую память человеческих поколений, как и на любого рода научные исследования, эмпирические и теоретические.*

В свете сказанного целесообразно различать «историю» как результат научно-исторических познаний в виде прогрессивно совершенствующегося комплекса фактографически обоснованных и рационально аргументированных исторических знаний³ – и «историю» как *историческую память народа*, населяющего страну. Историческая память – не рационально конструируемое собирательное понятие, лишенное онтологического

¹ Ю.Н. Афанасьев в интервью «Литературной газете» в 1993 г. [Кузнецов и др., 2006: 7]. Мнение А.Б. Гофмана в дискуссии о книге А.Г. Здравомыслова [Здравомыслов, 2003]: «Нельзя не согласиться с автором в вопросе о равной ответственности СССР и Германии за возникновение Второй мировой войны» [В сообществе..., 2004: 125].

² В сентябре 2019 г. Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». В ней утверждается, что Советский Союз и Германия, подписав пакт Молотова-Риббентропа, спровоцировали Вторую мировую войну. Оспаривание этой «истины» квалифицировано как информационно-пропагандистская агрессия авторитарной России против демократической Европы.

³ Вопрос, возможна ли история как наука, и если да, по какому образцу, в какой мере и при каких условиях, выходит за рамки нашего рассмотрения.

статуса и подлежащее номиналистской трактовке. Она – культурно-историческое и социокультурное духовное образование, существующее в виде надындивидуальной интерсубъективной реальности. Полагать ее в качестве субстанции – заблуждение. Она существует лишь в той мере, в какой человеческие личности поддерживают ее *духовными актами* – чисто интенциональными либо включенными в социально значимые действия. Онтологический статус исторической памяти схож с онтологическим статусом реалий, обозначаемых как «национальная традиция», «национальный менталитет» и т.п.

Подобно традиции, историческая память рождается, умирает, возрождается, трансформируется, представлена (1) в живой человечески-деятельной ипостаси, (2) в разного рода символических формах культуры. Подобно ментальности, она воспроизводится культурно-исторически и социально-антропологически. Историческая память подлещит социально-научному, социально-философскому и философско-историческому исследованию, осмыслению и истолкованию, но прежде – в порядке эпистемологической приоритетности – феноменологическому выявлению и пониманию. Абсурдно начинать исследование с рационального анализа того, что не явлено сознанию познающего субъекта в качестве самобытного феномена, тем более интерпретировать то, смысл чего не понят.

Историческая память народа, будучи комплексом идей, ценностей, чувств и т.д., находится в перманентном взаимодействии/взаимопроникновении с научно-историческими знаниями, с ними не совпадая. Можно сказать, что она представляет собой обыденную модификацию научно-исторических знаний или вульгарную историю, состоящую из фрагментов и схем исторического процесса, из набора дат, битв, имен, деяний личностей и т.п. Подчеркну: в контексте дискурса об исторической памяти всегда подразумеваются знания не только в научно-рациональном понимании, но в широком смысле – как запечатленный в со-переживаниях опыт мировосприятия, как постигаемый разумно-духовно опыт. Речь идет об опыте коллективного (социетального) познания в форме чувств и комплексов эмоциональных переживаний позитивного или негативного свойства – о радости побед и горечи поражений, о великодушном прощении и затаенной обиде (например, в форме злопамятства, *ressentiment*), о таких близких к исторической памяти феноменах исторического сознания народа, как мечты, устремления, упования, утопии [Михайловский, 2019]. Историческая память как предмет исследования никогда не укладывается в прокрустово ложе научной рациональности, может полностью или частично противоречить достоверным знаниям и эмпирическим фактам. *Ее сущностная особенность – пребывать в согласии с чувством справедливости народа.*

Образовательная упрощенная модификация научно-исторических знаний, составляющая содержание школьных учебников истории, как правило, находится под влиянием народной исторической памяти. История в школьных учебниках – это не просто набор дат, но целостное в смысловом отношении повествование. В ней описываются не «социальные действия» безликих «актеров», но деяния конкретных героев и злодеев; она всегда в какой-то мере политизирована, идеологизирована, мифологизирована. Она не может и не должна быть ценностно-нейтральной, поскольку призвана не только обучать молодых людей, но и воспитывать, т.е. превращать знания во взгляды и убеждения, способствуя становлению и формированию (образованию) личности⁴. С точки зрения социологии знания народное просвещение – введение в историческую память народа. Учебники истории должны базироваться на мировоззренческих принципах и ценностях, которые соответствуют исторической памяти народа в большей мере, чем взглядам их авторов или какой-то прослойки общества⁵. Такое бывает не всегда: правящие элиты не всегда заинтересованы в сохранении исторической памяти в виде, в каком она существовала до их прихода к власти.

⁴ Вот почему так важна роль школьного учителя, пример его личного отношения к предмету и народная историческая память может и должен быть образцом для подражания.

⁵ К сожалению, сомнительные оценки ВОВ в российских учебниках истории не редки [Кузнецов и др., 2006: 9].

Наверно, можно говорить об «историях» как феноменах исторической памяти повседневного сознания социальных групп общества, об «образах истории» политических партий, о тех, что бытуют в массовом сознании народов, наций, культурных кругов и цивилизаций. Возникает теоретико-методологический вопрос: что и как изучают социологи, обращаясь к подобным реалиям? Неискушенные социологи, традиционно изучающие «истории» посредством опросов, вообще этим не «заморачиваются» и, будучи носителями групповых, культурно-цивилизационных и иных представлений об истории, безотчетно закладывают их в вопросы. Высокопрофессиональные социологи сознают, что так делать нельзя, и все же часто делают это. Видимо, считают, что их представления об истории абсолютно достоверны и лишены предубеждений, либо что осознание и артикуляция ими их мировоззренческой позиции и есть спасительное средство, которое избавит их от предрассудков.

Правомерно ли считать спасительным средством факт осознания и артикуляции своей мировоззренческой позиции? Может ли предрассудок самоликвидироваться от его осознания? Полагаем, нет. Требуется воля к его искоренению, долгая работа над собой, наконец, трансформация самой личности человека. Есть и обратное мнение, классический пример – подход Э. Трёльча. Отдадим ему должное: проявив интеллектуальную честность, он признал, что его мировоззренческая позиция не лишена предубеждений, что он придерживается *европеизма*, т.е. принимает в качестве точки отсчета всего и вся европейский взгляд на историю и культуру Европы, на культуры и цивилизации мира. Собственно, это и есть *европоцентристский предрассудок*.

Трёльч констатировал: «В европейском мышлении всегда присутствует *завоеватель, колонизатор и миссионер*. В этом источник его практической силы и плодотворности, но и многих теоретических ошибок и преувеличений» (курсив мой. – Прим. А.М.) [Трёльч, 1994: 608]. Но тут же заявляет: «Для нас существует только всемирная история *европеизма*» [там же: 608]. Почему? «Только *европеизм* обладает реальной каузальной, неразрывной и существенной связью, к тому же доступной обозрению в источниках и контролю; только в нем мы обнаруживаем, несмотря на все различия, смысловое единство, когда задаем вопрос об исторической связи и смысловой целостности, составляющих основу нашего существования. Таков общий и все время повторяющийся результат всех проведенных до сих пор исследований и изысканий. К этому все больше сводится историческое мышление и исторический реализм. Это ядро нашей исторической работы» [там же: 606–607].

На наш взгляд, представление о самоликвидации таких предрассудков, как *европеизм*, благодаря одному их осознанию – идеалистическая иллюзия. *Европоцентристский* способ мышления веками укоренялся *социально-антропологически* – со времен Александра Македонского, Римской империи, империи Карла Великого, Священной Римской империи, Крестовых походов, Возрождения и Реформации, колониальных завоеваний, Наполеоновских войн, в Первую и Вторую мировые войны, в конце концов став ядром европейского менталитета, культуры, цивилизации Запада. Трудно найти более откровенную формулировку этого предрассудка, чем та, что дал Р. Киплинг в поэтическом манифесте «Бремя белого человека»: «Родных сыновей пошли / На службу тебе подвластным / Народам на край земли –/ На каторгу ради угрюмых / Мятущихся дикарей,/ Наполовину бесов,/ Наполовину людей. (...) Неси это гордое Бремя –/ Ты будешь вознагражден / Придирками командиров / И криками диких племен:/ "Чего ты хочешь, проклятый,/ Зачем смущаешь умы?/ Не выводи нас к свету / Из милой Египетской Тьмы!" (...)»

Может быть, Трёльч прав? У каждого человека только одно мировоззрение – то, что возникло у него на родной культурно-исторической почве, в его распоряжении лишь единственная мировоззренческая позиция. Даже осознав ее частичную предвзятость, он не может отказаться от нее в пользу чуждой ему. Что делать, если у социолога нет представлений об истории, кроме тех, которые он имеет и считает верными? Он может пытаться удостовериться в их адекватности. И самоконтроль, конечно, не бывает лишним. Однако не приведет ли это к погружению на более глубокий уровень исторического

познания, от него на еще более глубокий уровень, – и так до бесконечности? Познание безгранично. Не придется ли тогда отказаться от замысла или бросить социологию ради занятий историей? Где социологу остановиться, прервать погружение в глубины истории, чтобы не заработать декомпрессионную болезнь?

Мы сталкиваемся с эпистемологической проблемой круга, из которого не выйти, оставаясь на позициях историцизма и социологизма. Впервые этот круг описал Ф. Ницше, когда, наряду с «монументальным» и «антикварным» способами изучения прошлого, выделил также «критический» и сам же применил его под лозунгом *memento vivere*. «Человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше, – писал он, – этой цели достигает он тем, что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор; но всякое прошлое достойно быть осужденным – ибо таковы уж все человеческие дела... Не справедливость здесь творит суд и не милость диктует приговор, но только жизнь как некая темная, влекущая, ненасытно и страстно сама себя ищущая сила. Ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не проистекают из чистого источника познания...» [Ницше, 1990: 178].

«...Но это всегда очень опасная операция, опасная именно для самой жизни, – продолжает он, – а те люди или эпохи, которые служат жизни этим способом, т.е. привлекая прошлое на суд и разрушая его, суть опасные и сами подвергающиеся опасности люди и эпохи. Ибо так как мы непременно должны быть продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи. Если даже мы осуждаем эти заблуждения и считаем себя от них свободными, то тем самым не устраняется факт, что мы связаны с ними нашим происхождением. В лучшем случае мы приходим к конфликту между унаследованными нами, прирожденными нам свойствами и нашим познанием, может быть, к борьбе между новой, суровой дисциплиной и усвоенным воспитанием и врожденными навыками, мы стараемся вырастить в себе известную новую привычку, новый инстинкт, вторую натуру, чтобы таким образом искоренить натуру первую. Это как бы попытка создать себе *a posteriori* такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно приходим, – попытка всегда опасная, так как очень нелегко найти надлежащую границу в отрицании прошлого и так как вторая натура по большей части слабее первой» (курсив мой. – Прим. А.М.) [там же: 178–179]⁶.

Наличие этого круга, известного в социологии знания как проблема исторического и социологического *релятивизма*⁷ [Шелер, 2011: 215–220], само по себе ничего не опровергает и никого не дискредитирует – подобные круги в познании неизбежны и свидетельствуют о его живом развитии. Рациональная логика и явленная нам в историческом прошлом жизнь необходимо вступают друг с другом в противоречия, преодолимые не силою только мысли, но посредством осмысленного социального действия в целях сохранения и развития будущей жизни человеческого социума. Это означает, что поиски абсолютно объективной и абсолютно истинной социально-наблюдательной позиции обречены на неудачу, ибо таковой не существует. Трельч прав: мы не можем не исходить из усвоенной нами на родной почве мировоззренческой позиции. Но он был не прав, когда

⁶Мы понимаем неоднозначность ссылки на Ницше в контексте этой статьи, но призываем читателя различать вклад Ницше в историю философской мысли и то, как идеологи национал-социализма истолковали его идеи (см.: [Руткевич, 2010: 165]).

⁷Ницше, по сути, сформулировал ее: «Что касается происхождения исторического образования..., то это происхождение должно быть в свою очередь объяснено исторически, история должна сама разрешить проблему истории, знание должно обратить свое жало против себя самого...» [Ницше, 1990: 208]. «Социология знания» появляется благодаря следующему по смыслу логическому шагу: требование обратить жало исторического знания против себя самого обращено к его носителю – личности живого, чувствующего, мыслящего, действующего человека, который находится в конкретном обществе, принадлежит к одному из его социальных классов, к одной из социальных групп и т.п.

вместо попытки ее рациональной корректировки с помощью самокритики объявил ее единственно возможной, да еще в том виде, в каком она предстала его сознанию.

В свете сказанного можно сделать более конкретный вывод: *либерально-эмансипаторное*, рациональное критическое отношение к истории, стремящееся к радикальным социальным инновациям (вплоть до революции), с его жесткой, подчас жестокой логикой разоблачения должно уравниваться и дополняться *консервативным* отношением к прошлому, которое тоже знает правду, однако усматривает ценность для жизни человеческого социума в сохранении исторической памяти народа, заботится о справедливом обращении с ней. Обе позиции относительно пристрастны и не вполне объективны, но каждая по-своему. Обе имеют источником происхождения начала, одинаково необходимые для выживания социума [Бергсон, 2010]. К сожалению, в действительности их взаимодействие напоминает скорее колебания маятника.

Генеалогический аспект проблемы. От эпистемологически абстрактных проблем перейдем к частным и конкретным. Важно понять, почему «сегодня нашу историческую память мы должны расчищать от завалов – едва одни шахты и штольни раскопаны, как уже образуются другие, где стремятся похоронить и сжечь все то, чему поклонялись совсем недавно»? [Козырев, 2010: 8]. Как получилось, что «мы за последнюю четверть века, как и в 1941 году, оказались поставлены на грань катастрофы: мы уступили обширные территории нашего исторического и национального Сознания, еще чуть-чуть, и российское общество наконец удостоверится, что является по определению коллективной преступной организацией» [Фомин, 2010: 18]? Ответить на эти вопросы невозможно, если не разобратся в предыстории проблемы и ее возникновения в нашем историческо-социологическом дискурсе.

В советский период отечественной истории гуманитарии были зажаты в диапазоне мировоззренческих и концептуальных точек зрения, границы которого строго контролировала государственная цензура. Что-то выделялось, превозносилось и прославлялось, что-то скрывалось, замалчивалось и предавалось забвению⁸. По сути дела, у историков, социологов и др. не было выбора, кроме как транслировать официально принятые взгляды, местами «отлакированные» в конъюнктурном духе. Память о них была живее и свежее, чем сегодня, однако не существовала как осознанная *социологически значимая проблема*. Она не могла быть тогда осознана в качестве таковой. С одной стороны, взгляды на войну большинства советских граждан совпадали, мало кто мучился ограниченностью выбора в условиях единомыслия и ценностного консенсуса⁹. С другой стороны, идеологическая борьба в «холодной войне» происходила в рамках, сложившихся на базе итогов Нюрнбергского процесса и послевоенных договоров, конституировавших международное право. В этом смысле, и только в этом, «не было» проблемы.

После распада Советского Союза, упразднения цензуры, принятия в 1993 г. новой Конституции, запрещавшей государству иметь обязательную идеологию и провозгласившей демократические свободы на базе политически-идеологического плюрализма, ситуация изменилась. Мало сказать, что упомянутый выше идейно-ценностный диапазон сильно расширился – он перестал существовать, поскольку на месте марксизма-ленинизма образовалась пустота. Никто никому больше не ставил смысловых ограничений: контролироваться должно было теперь только хранение государственных тайн (в 1990-е гг. с этим дела обстояли не лучшим образом). Идейное единомыслие и ценностный консенсус внутри постсоветского общества начали стремительно исчезать. После

⁸ За советскую *политкорректность* в отношении к Великой Отечественной войне мы расплачиваемся сегодня. Политкорректность выражалась не только в метонимии официальных «нарративов», но и в избирательности в освещении, глорификации событий и личностей.

⁹ Имеются в виду взгляды на войну в целом, оценки ее событий, места и роли в истории. Разумеется, историки всегда расходились во мнениях о подготовленности конкретных войсковых частей к сражениям, о ходе и исходе конкретных боестолкновений, в оценках отдельных представителей военно-политического руководства страны в той или иной ситуации и т.д.

внешнеполитического «прорыва» М.С. Горбачёва и его команды с позиций «нового политического мышления» правовые и этические рамки, в которых велась идеологическая борьба двух систем, оказались под вопросом. У наших противников в «холодной войне» появился соблазн объявить себя победителями и добить нас, используя наши же иллюзии относительно «общечеловеческих ценностей» и вхождения «в европейскую семью народов».

Чтобы поставить на колени Россию, деморализованную после распада Советского Союза и социалистической системы, экономического и политического кризисов, оставалось сделать, казалось, пустяк – приравнять Сталина к Гитлеру, объявив о равной ответственности СССР и нацистского Третьего Рейха за развязывание Второй мировой войны, потом выдвинуть требование десталинизации российского общества и проведения покаянного судилища. Фактически это означало бы возобновление гражданской войны. Когда отдельные голоса внутри страны, требовавшие Нюрнберга-2, слились в единый хор под управлением западных «друзей», историческая память о великой войне была осознана не только как проблема, значимая политически, но и как проблема социологическая. Почему? Потому что этот хор состоял и состоит главным образом из представителей одной влиятельной общественной прослойки, цементирующей так называемую «элиту» общества. Ее утопический стратегический курс, взятый на возвращение России в «европейскую семью народов», негативно сказался на отношении к исторической памяти о ВОВ.

Эта проблема была осознана в ситуации, когда российское общество, избавленное от «железного занавеса», открылось перед «капиталистическим» Западом. Предав забвению прошлое, оно – в первую очередь в лице интеллигенции, получившей возможность свободно высказываться и выезжать за границу, – ожидало от Запада помощи в строительстве капитализма в ответ на одностороннее прекращение «холодной войны». Пустоту, образовавшуюся на месте отринутого, но не преодоленного марксизма-ленинизма, интеллигенция начала заполнять западными доктринами, которые разрушали историческую память народа, содействуя разобщению постсоветского общества. Плюрализму мнений и оценок, выросшему в 1990-е гг. на почве либерализма, в теории социального познания соответствовал «полипарадигмальный подход», идейно близкий «эпистемологическому анархизму» П. Фейерабенда [Малинкин, 2019].

Память о войне 1941–1945 гг., оценки ее места и значения в истории, которые сложились в эпоху «застоя», подверглись критическим атакам в эпоху «перестройки и гласности». «Прорабы перестройки» поставили под сомнение подвиги действовавших в условиях «тоталитарного режима» советских героев, дискредитировали легендарные образы их личностей: 28-ми панфиловцев, Зои и Александра Космодемьянских, Александра Матросова, Николая Гастелло и др. Отрицался факт «массового героизма» солдат и офицеров Красной Армии во время ВОВ и войны с Японией в 1945 г. Работу особых отделов, «Смерш», НКВД, загранотрядов начали «разоблачать» путем приравнивания к Ваффен-СС. Ставилось под сомнение все – даже то, что бойцы Красной Армии, поднимаясь в атаку, кричали не только «Ура!», но и «За Родину, за Сталина!» Послышались сердитые возгласы толерантных сограждан: «Надо прекратить милитаристские парады на Красной площади! К чему это победобесие?! Не пора ли предать забвению дела давно минувших дней?» И парады в День Победы с 1991 по 1995 г. не проводились. Заметим: социологический смысл этих символических акций в том, чтобы консолидировать нацию на основе исторической памяти народа путем мобилизации патриотических чувств и энергии граждан в целях строительства нового общества. На этом фоне в 1990-е гг. слово «патриот» в России сделалось бранным, а выражение «национал-патриот» ставилось в один ряд со словами «нацист», «фашист», «коричневый».

В те годы формировалось новое, антисоветское понимание «научной объективности» в подходе к оценке событий истории на основе такой логики: если коммунистическая пропаганда утверждала, что капитализм – это зло и вчерашний день человечества, то следовало признать его за благо, дающее пропуск в завтрашний день. Если она утверждала, что капитализм неизбежно порождает войны, следовало предполагать, что коммунизм

с идеей мировой революции являлся источником военной угрозы, что Советский Союз якобы готовился напасть на Германию, установить свое господство в Европе. Даже не допускалась мысль, что коммунисты могли быть в чем-то правы, что ненависть к русским и боязливо-агрессивное отношение Запада к России всегда были факторами, влиявшими на развязывание конфликтов и войн.

В рамках логики зеркального переворачивания считалось, что подлинная объективность в изучении советского периода отечественной истории достигается, когда позиция исследователя советского прошлого совпадает с антисоветской и антикоммунистической позицией недавних идеологических противников или даже реально-исторических врагов СССР – шпионов-перебежчиков и изменников родины (О. Гордиевского, В. Резуна-Суворова, О. Калугина и др.) бывших генералов вермахта, авторов мемуаров о Второй мировой войне. Логика «перевертышей», критиковавших «тоталитарный режим» и формировавших у себя, по выражению Ницше, «вторую натуру», не оставляла выбора («Иного не дано!»), кроме как присоединиться к точке зрения врагов нашего народа. Отступническое отношение к историческому прошлому родной страны и ее героям – в первую очередь к Верховному главнокомандующему, генералиссимусу И.В. Сталину – объединило людей с коллаборационистской психологией в управляемую посредством грантов «пятую колонну» РФ под флагом анархического либерализма и глобализма.

Следует признать: *смердяковщина* была и остается элементом умонастроений российского псевдолиберального *politicum'a*. «Комплекс Смердякова» парадоксально соседствует в политической культуре нашей страны с героическими традициями. Он формируется на почве атеизма и патриотического нигилизма. Комплекс лакейства перед Западом, стремление войти в «европейскую семью народов» – источник русской русофобии с ее императивом «убей в себе русского!» (что символизирует самоубийство Смердякова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») [Маликин, 2017]¹⁰.

Кроме глубинного измерения, у этого феномена есть и другое: *реально-социологическая* первопричина смердяковщины, объясняющая ее культурогенез, коренится в *социально-антропологической* пропасти между бедными малообразованными низами, составляющими большую часть населения страны, и богатыми европейски образованными верхами, оторвавшимися от национальной почвы, между народом и «элитой».

В годы ВОВ смердяковщина трансформировалась во *власовщину* [Коллаборационизм..., 2010; Будницкий, Зеленина, 2012]. Она дополнилась этническим национализмом в его коллаборационистской версии – одновременно ложной и лживой. Попавший в плен и изменивший присяге Власов объявил Верховного главнокомандующего предателем русского народа и призвал русских, обманутых большевиком Сталиным, вернуться под началом Германии в «семью европейских народов». «Меня ничем не обидела советская власть, – утверждал он. – ...Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы. ...Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы» [Почему я стал..., 1942]¹¹.

¹⁰ С 1985 по 2000-е гг. преклонение перед Западом цело у нас пыльным цветом. С тех пор в стране выросло поколение людей, которые воспринимают все западное как ценностно-универсальное и не нуждающееся в доказательствах.

¹¹ Ср.: «Европа – наш общий дом. Этот образ пришел мне как-то на ум в ходе одной из бесед. Высказался вроде бы случайно, но мысленно я искал такую формулу давно. Настроив себя на новое политическое мышление, я уже не мог по-старому воспринимать... Европу... Так, видимо, и родилась мысль об общеевропейском доме» [Горбачев, 1988: 203–204].

С конца прошлого века на мировое господство претендуют ныне уже не французы или немцы, а правящие круги США, ставшие наследниками имперских установок англосаксонской политической культуры и подмявшие под себя Европу. Сегодня в глазах российских смердяковых-власовых США – цитадель мирового прогресса и вселенского добра, излучаемого на весь мир. К сожалению, пропаганда агентов западного влияния находит отклик в умах и душах молодых россиян, не получивших патриотического воспитания в школе из-за реформы образования, в основу которой положена идея «вхождения в семью народов Новой Европы». Сказались отсутствие у нас с начала 1990-х государственной идеологии, утрата национального суверенитета в области образования, науки и культуры. Частично потерянная память о войне 1941–1945 гг. начала восстанавливаться благодаря гражданско-патриотическому мемориальному ритуалу «Бессмертный полк». Сбой в эстафете поколений произошел не от легкомысленной забывчивости людей. Все дело в избирательном, ценностно-ориентированном *внимании* к тем или иным событиям отечественной истории, к истории вообще. Внимание нужно направлять. Когда это делаем не мы, это делают другие, но по-своему. Необходимо влиять на формирование у молодых людей *желания знать историю родной страны, хранить память прежде всего о ней, чтить и почитать ее героев* [Малинкин, 2012].

Россия не может и не должна «входить» ни в Европу, ни в Азию, она – *самобытная евроазиатская цивилизация*, изначально тесно связанная с Европой и Азией бытовыми и культурными узами. Подлинный смысл призыва «войти в Новую Европу» заключается в том, что мы *сами добровольно* должны одеть на себя ошейник культурного колониализма со всеми вытекающими реальными последствиями. Внедрение в сознание россиян образа Европы, «Запада» как центра мироздания («европеизм»¹²), а образа родной страны как их недоразвитой восточной *окраины* – старая *идеологическая западня* для культивации интеллигентской «элиты» с «комплексом Смердякова» и коллаборационистской психологией. Спрашивается: почему важно сохранять историческую память российского народа о битве на Чудском озере, о польском нашествии, об Отечественной войне 1812 г., о Крымской войне, наконец, о нападении на нашу страну объединенной Гитлером Европы в 1941 г.? Потому что в ней – ответ на вопрос: откуда и почему исходила для нас угроза и кто совершал против нас агрессии?

Чтобы память о ключевом событии XX в. сохранилась, нужна артикулированная государственная идеология, в рамках которой должна проводиться политика национальной памяти. Без нее невозможны ни «национализация элиты», ни социальная политика в области образования и культуры, включающая гражданско-патриотическое воспитание. Война за российскую национальную идентичность продолжается, а это прежде всего борьба интеллектуальных решений, концепций и технологий в сфере национальной памяти. «Сегодня нам нужна не архаичная, аморфная, коррумпированная, невнятная и бессистемная суета вокруг госбюджетов, не банкеты и юбилеи, не оркестры и караваны, а современная интеллектуальная, высокотехнологичная, целенаправленная и экспансионистская Политика Памяти» [Фомин, 2010: 19]. В современной ситуации жесткого столкновения интерпретаций истории было бы недальновидно уповать лишь на то, что здравый смысл и миролюбивое великодушие нашего политического лидера образуют идейных врагов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: КДУ, 2010.
Будницкий О.В., Зеленина Г.С. «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. М.: РОССПЭН, 2012.
Бызов Л. ВЦИОМ о войне и Победе // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 110–117.

¹² В терминологии А.А. Зиновьева «западнизм».

- В сообществе профессиональных социологов // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 120–130.
- Горбачёв М.С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Полит. лит-ра, 1988.
- Гутнер Г.Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. № 1. С. 94–109.
- Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем. Контент-анализ и комментарии. М.: РОССПЭН, 2003.
- Иванов В.Н., Сергеев В.К. Всегда Великая Победа. М.: Серебряные нити, 2006.
- Козырев А. Колонка редактора: Война священная // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 8–9.
- Кузнецов В.Н., Сергеев В.К., Иванов В.Н. Юбилей Великой Победы. М.: Серебряные нити, 2006.
- Кузнецовский В.Д. (ред.) Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и владимирцы. Москва, 12 ноября 2009 г.: материалы международного круглого стола. М.: РИСИ, 2010.
- Малинкин А.Н. О природе пустоты, возникшей на месте марксизма-ленинизма с начала 1990-х годов. Исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2019. № 3. С. 26–45. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6674.
- Малинкин А.Н. Предать предателей: смердяковщина как элемент российской политической культуры // Вопросы национализма. 2017. № 1(29). С. 221–237.
- Малинкин А.Н. Социально-этический смысл государственных наград СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6(12). С. 7–20.
- Михайловский А.В. Китеж – незримый град Руси // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2019. № 1(25). С. 86–98.
- Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Почему я стал на путь борьбы с большевизмом. Открытое письмо генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1942. Листовка РОА.
- Руткевич А. Фашизм // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 164–169.
- Социология великой Победы. М.: ИИЦ ИСПИ РАН, 2005.
- Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994.
- Фомин И. Вспомнить все. Политика Памяти в РФ как реальность и как необходимость // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 14–19.
- Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2011.
- Kirchner K. Flugblätter aus Deutschland 1941. Bibliographie, Katalog / Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Bd. 10. Erlangen: D+C, 1987.

Статья поступила: 23.01.20. Финальная версия: 12.02.20. Принята к публикации: 11.03.20.

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: EPISTEMOLOGIC AND GENEALOGIC ASPECTS

MALINKIN A.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander N. MALINKIN, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (lo_zio@bk.ru).

Abstract. The article discusses epistemological and genealogical problems of the social cognition of the historical memory of the Russian people. It is argued that to study historical memories of the Great Patriotic War of 1941–1945, academic objectivist sociological approach alone is not sufficient, since its understanding and interpretation are conditioned. To comprehend and appreciate its significance for Russia and the world, extra-scientific means of cognition are required, primarily philosophical. A philosophical and sociological understanding of historical memory is offered, and relevant theoretical and methodological difficulties are demonstrated. The second part of the article discusses the real historical, sociological and psychological reasons for the origin of irreconcilable disputes in the Russian community of humanities regarding the memory of the Great War and our Victory. The author shares the opinion of many colleagues that Russia needs a modern high-tech, telic and expansionary “memory policy”.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, scientific historical knowledge, historical memory of the people, sociology of knowledge, europeanism, entrance of Russia in “the family nations of a New Europe”, intelligentsia, smerdyakovshchina, vlasovschina, national “politics of memory”.

REFERENCES

- Bergson H. (2010) *Two Sources of Morality and Religion*. Moscow: KDU. (In Russ.)
- Budnitskiy O.V., Zelenina G.S. (2012) *“It Happened. Germans Have Come!” Ideological Collaboration during the Great Patriotic War*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Bizov L. (2010) VCIOM about War and Victory. *Sokrat. Zhurnal sovremennoy filosofii* [Socrates. Journal of Modern Philosophy]. No. 2: 110–117. (In Russ.)
- Kuznechevsky V.D. (ed.) (2010) *Collaborationism and Betrayal in World War II. Vlasov and Vlasovshchina*. Moscow, November 12, 2009: International Round Table Proceedings. Moscow: RISI. (In Russ.)
- Fomin I. (2010) Remember All. Politics of Memory in the Russian Federation as a Reality and as a Necessity. *Sokrat. Zhurnal sovremennoy filosofii* [Socrates. Journal of Modern Philosophy]. No. 2: 14–19. (In Russ.)
- Gorbachov M.S. (1988) *Perestroika and New Political Thinking for Our Country and for the Whole World*. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
- Gutner G.B. (2017) National Narrative and National Responsibility. *Eticheskaya mys'* [Ethical Thought]. Vol. 17. No. 1: 94–109. (In Russ.)
- In the Community of Professional Sociologists. (2004) *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 120–130. (In Russ.)
- Ivanov V.N., Sergeyev B.K. (2006) *Always Great Victory*. Moscow: Serebryanye niti. (In Russ.)
- Kirchner K. (1987) *Leaflets from Germany 1941. Bibliography, Catalog. Leaflet Propaganda in World War II*. Vol. 10. Erlangen: D+C. (In Germ.)
- Kozyrev A. (2010) Editor's Column: The Holy War. *Sokrat. Zhurnal sovremennoy filosofii* [Socrates. Journal of Modern Philosophy]. No. 2: 8–9. (In Russ.)
- Kuznetsov V.N., Sergeyev V.K., Ivanov V.N. (2006) *Anniversary of the Great Victory*. Moscow: Serebryanye niti. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2012) The Social-Ethical Meaning of State Awards of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Istoricheskiy zhurnal. Nauchnyye issledovaniya* [History Journal: Scientific Researches]. No. 6(12): 7–20. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2017) Betray the Traitors: Smerdyakovshchina as an Element of Russian Political Culture. *Voprosy natsionalizma* [Studies in Nationalism]. No. 1(29): 221–237. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2019) On the Nature of the Void that has Emerged in Place of Marxism-Leninism since the Early 1990's. A Study on the Sociology of Knowledge. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 25. No. 3: 26–45. DOI: 10.19181/ socjour.2019.25.3.6674. (In Russ.)
- Mikhaylovskiy A.V. (2019) Kitezh – the Invisible City of Russia. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya “Filosofiya. Filologiya”* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series “Philosophy. Philology”]. No. 1(25): 86–98. (In Russ.)
- Nietzsche F. (1990) *About the Benefits and Harms of History for Life*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

- Rutkevich A. (2010) *Fascism. Sokrat. Zhurnal sovremennoy filosofii* [Socrates. Journal of Modern Philosophy]. No. 2: 164–169. (In Russ.)
- Scheler M. (2011) *Problems of the Sociology of Knowledge*. Moscow: In-t obshchegumanit. issled. (In Russ.)
- Sociology of the Great Victory*. (2005) Moscow: ISPI RAN. (In Russ.)
- Troeltsch E. (1994) *Historicism and its Problems. The Logical Problem of the Philosophy of History*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Why Did I Take the Path of the Struggle against Bolshevism. An Open Letter by Lieutenant General A.A. Vlasov*. (1942) The Leaflet of the Russian Liberation Army. (In Russ.)
- Zdravomyslov A.G. (2003) *Germans about Russians on the Threshold of the New Millennium. Conversations in Germany: 22 Expert Interviews with Representatives of the German Intellectual Elite about Russia – its Present, Past and Future. Content Analysis and Comments*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Received: 23.01.20. Final version: 12.02.20. Accepted: 11.03.20.